

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
НАТАЛЬИ МИХАЙЛОВНЫ САЗАНОВОЙ**

Н.М. Сазанова в Индии

РУССКАЯ РАДХА

Неоконченное интервью с Н.М. Сазановой

Несколько лет назад ушла из жизни индолог Наталья Михайловна Сазанова (1932-2006), широко известная своими трудами в России и за рубежом. В предыдущем выпуске нашего журнала было опубликовано интервью с Н.М. Сазановой, в котором она рассказала о поездках в Индию и дружбе с художником С.Н. Рерихом. Редакция планировала продолжить беседы с Натальей Михайловной, прежде всего о встречах с её индийским гуру Шри Падом, о жизни и работе в Индии. К сожалению, нам удалось записать только одно интервью из задуманного цикла.

Жизненный путь Н.М. Сазановой, на первый взгляд, складывался обычно для советского востоковеда. В 1954 году она окончила исторический факультет Московского университета, восточное отделение. По распределению начала работать в Библиотеке иностранной литературы и через четыре года перешла преподавателем в Институт стран Азии и Африки при МГУ. Её кандидатская диссертация была посвящена драматургии Бхаратенду Харишчандры, основателя литературного языка хинди (1962). К тридцати годам Н.М. Сазанова уже стала зрелым учёным, при этом в процессе преподавания она прекрасно освоила несколько индийских языков: хинди, урду, санскрит. В 1965 году впервые оказалась в Индии (научный туризм). И только через три года по-настоящему начала открывать для себя великую индийскую цивилизацию. В 1968-м университет направил её на стажировку в Агру, изучать средневековый язык брадж. С этого времени Н.М. Сазанова полностью посвящает себя литературе бхакти. В традиции индуизма бхакти означает «служение Богу». Средневековая культура Индии дала миру целый пласт литературы, в которой развивался культ почитания Кришны.

Именно в Агре Наталья Михайловна встретила своего духовного учителя, странствующего свами Шри Пада, и ровно тридцать лет находилась рядом с ним, вплоть до его ухода из жизни в 1998 году. После первой десятилетней стажировки следуют одна за другой новые поездки в Индию. Начинается период глубинного познания индийской религиозной культуры. В то же время объектом научного изучения избирается творчество Сурдаса (1478-1563), выдающегося поэта кришнаитского бхакти. Обогащённая знаниями первоисточников, Н.М. Сазанова разрабатывает блестящий курс лекций по средневековой индийской литературе и читает его в Московском университете. Многолетний труд увенчался защитой докторской диссертации, посвящённой творчеству Сурдаса (1984).

Со временем Н.М. Сазанова становится ведущим специалистом мирового уровня по литературе бхакти. Её перу принадлежат переводы рукописей,

повествующих о жизни и подвигах Кришны. На русском и немецком языках выходят в свет книги «Океан поэзии Сурдаса», «Кришнаяна», «Нет жизни без Кришны», др. Помимо литературных трудов, Сазанова ведёт большую работу в Индии. Она помогает своему гуру в создании Индийской академии браджа (1977), которая становится учреждением нового типа, где в синтезе изучаются разные мировые религии и культуры. В Академии браджа, расположенной во Вриндаване, на священной земле Кришны, собраны уникальные древние рукописи, старинные книги и артефакты.

До последних дней Наталья Михайловна была тесно связана с Индией. В её личном архиве хранятся индийские дневники и сотни писем Шри Пада, которые в будущем позволят нам прикоснуться к живительному духовному источнику.

Редакция предлагает читателям блок материалов, посвящённых индийскому периоду жизни Н.М.Сазановой. Среди них фрагменты воспоминаний об Учителе Шри Паде, дневниковые записи конца 1980-х — конца 1990-х годов и интервью, которое взяли сотрудники Государственного музея Востока Владимир Росов и Вера Голенищева-Кутузова.

* * *

— Ваше отношение к Индии особое, и нам хотелось бы узнать о нём через историю с вашим Учителем Шри Падом. Расскажите, пожалуйста, как всё начиналось.

Был 1968 год, моя первая стажировка. Мне тогда дали задание учить язык брадж, средневековый классический язык, который привил санскрит, на нём была написана вся художественная литература. Брадж просуществовал до начала XX века как литературный язык, потом появился хинди на основе браджа — и письменность, и грамматика. Поэтому в Индии брадж понятен всем. А у нас, в Советском Союзе, браджа вообще никто не знал. Знал немножко Алексей Петрович Баранников, потому что когда он переводил «Рамаяну», там были лирические чханды на брадже. И мне дали задание на кафедре. Наш заведующий, профессор Алексей Михайлович Дьяков, сказал: «Поедешь в Индию изучать брадж. И вообще, говорят, в Индии были знаменитые поэты, например Сурдас».

В то время были распространены только европейская, классическая, и наша традиции изучения санскрита и санскритской литературы. Потом — новейший период, а средние века зависали, потому что тогда существовал язык, которого у нас просто никто не знал. Брадж — это не хинди и не санскрит, поэтому меня направили непосредственно в район браджа. Агра, Матхура, Вриндаван — это классический брадж, это центр браджа. В Матхуре родился Кришна. Меня направили в Агрский университет, на отделение браджа. В Индии каждый, кто знает хинди, знает и брадж. Они дома говорят на брадже, а не на хинди.

И главным заданием для меня было выяснить, кто такой Сурдас. О Тулсидасе Баранников уже написал. Тулсидас у нас стал известен, он составил «Рамаяну» и «Кришнаяну». Но вот был ещё великий поэт Сурдас, и надо начинать в университете курс литературы и культуры. Я остановилась на Сурдасе. Просто знали, что он — великий. В Индии все его поют, в храмах тоже поют,

каждый ребёнок в школе знает, а у нас никто не знает.

Я только что защитила кандидатскую диссертацию о Бхаратенду Харишчандре, основоположнике литературы и языка хинди. С него начинается хинди — это конец XIX века. И после этого мой Алексей Михайлович Дьяков спросил: «Куда пойдёшь, вверх или вниз»? Я ответила — вниз, в средние века. «Вот и хорошо! Будешь там». Дьяков был полиглот, знал 20 языков, и ему доставляло удовольствие на ночь читать грамматику суахили или ещё какую-нибудь. Однажды он сказал: «Знаешь, попалась мне какая-то, на английском, — брадж, посмотри эту грамматику, очень интересно».

Я немножко почитала, узнала о поэте Сурдасе и единственное, что выяснила до приезда в Индию, — нет аутентичной рукописи. В Индии издали два тома, но непонятно, откуда взяли, что взяли, половина явной интерполяции, и вообще неизвестно, что с этим делать. Памятник издали только на брадже. Издатель — крупнейший индийский филолог, историк, взял рукописи, какие были, и просто их соединил. Моя задача, если я действительно стану заниматься Сурдасом, найти оригинальный памятник.

К тому времени выяснилось, что было семь Сурдасов. Я должна была увидеть оригинальную рукопись, хоть XVI, хоть XVII века, из которой точно известно, что это — великий Сурдас. Там же написано о Кришне, там вся «Кришна-наяна». Индийцы все поют о Кришне, а когда спрашиваешь, откуда, они говорят — моя бабушка пела. Бабка — это хорошо, но на неё ссылаться нельзя.

Когда я прилетела в Дели, Министрство высшего образования поселило нас временно в отель на 4-5 дней, надо было выполнить кое-какие формальности. Потом только меня отправляли в Матхуру и в Агру. Я сидела за

столиком, завтракала, и ко мне подошёл индиец, позже он стал моим большим другом. Это был Харидатта Шарма, крупнейший индийский журналист, который возглавлял «Хиндустан Таймс» на всех языках, лауреат премий. Но тогда я не имела об этом представления. Он спросил разрешения сесть и когда узнал, откуда я, просто обалдел! В то время — из Москвы?! Он говорил на английском, а я попросила: «Поговорите со мной на хинди. У вас имя такое, Харидатта Шарма». О, на хинди! Он пришёл в состояние экстаза! Мы стали говорить на хинди, и Шарма спросил: «Интересно, зачем вы здесь?» Я ему сказала, что у меня есть идея фикс... Он пришёл в ещё больший экстаз. Оказалось, он настоящий кришнаит из потомственных Харидаттов. «Разрешите, я приду вас сфотографировать и записать интервью? Завтра встретимся, покажу вам Дели».

После интервью мы с ним хорошо распрощались. Я приехала в Агру. Меня поселили в отель «Империал». Вдруг начался какой-то шорох вокруг меня. Думаю, потому что я единственная русская, разговариваю на хинди. А мне говорят: «Вы видели статью со своим портретом?» Пока я доехала до Агры, во всех газетах появился мой портрет с заголовками «Русская Радха»! С тех пор все индусы стали звать меня «Руси Радха». В длинной статье Харидатта Шарма рассказал обо всех моих «проблемах», о том, что я ищу рукописи. Отовсюду мне стали нести рукописи, и меня очень уважали.

Языком со мной начал заниматься сам ректор. Меня прекрасно поселили, кормили, приходил народ, со мной все знакомились. В общем, я стала любимицей Агры. Всё мне показывали, водили по местам Сурдаса. Были сплошные удовольствия. И я поняла, какую извлекла пользу от встречи с Харидаттом

Шармой, не зная, увижу ли его ещё. А потом мы стали друзьями на всю жизнь. Он действительно являлся одним из крупнейших индийских журналистов. Когда у меня не было денег, он говорил: «Сейчас я сделаю интервью по телевизору», и тут же ко мне капала какая-то денежка! С его лёгкой руки меня стали приглашать на радио и телевидение. Ну как же — Русская Радха!

— *И как всё-таки получилось со Шри Падом?*

Я всегда работала за столиком во дворе, там был чудесный парк. Мне ставили столик, и я работала. Обезьяны мешали, но мальчик их отгонял. Вдруг ко мне подходит известный профессор и, смущаясь, говорит: «Знаете, с вами хочет увидеться необычный человек, он вообще-то махатма. Мы его так чтим...» Я в восторге завопила: «Махатма, конечно хочу, а где он?!» — «Вон там, в конце аллеи». И я вижу, навстречу мне идёт тот, кого я потом узнала как Шри Пада.

Мне очень понравилось его конкретное обращение: «Вам дали имя русской Радхи? Вы сказали, что хотите увидеть рукопись? Вставайте, пойдём». — «Сейчас, я соберу книжки. Надо бы сказать ректору, что я ухожу...» — «Это скажут без вас». — «А куда мы идём?» — «В Раджастхан». Через два часа я была в машине.

И мы направились за этой рукописью. Я шла босиком, потому что надо было босиком — это ведь священная рукопись...

— *Где же, в каком месте она хранилась?*

В Джайпуре есть знаменитая библиотека рукописей, раритетов и артефактов. Это личная коллекция махараджи. Там был кабинет Сурдаса и хранились его рукописи. Я помнила все сте-

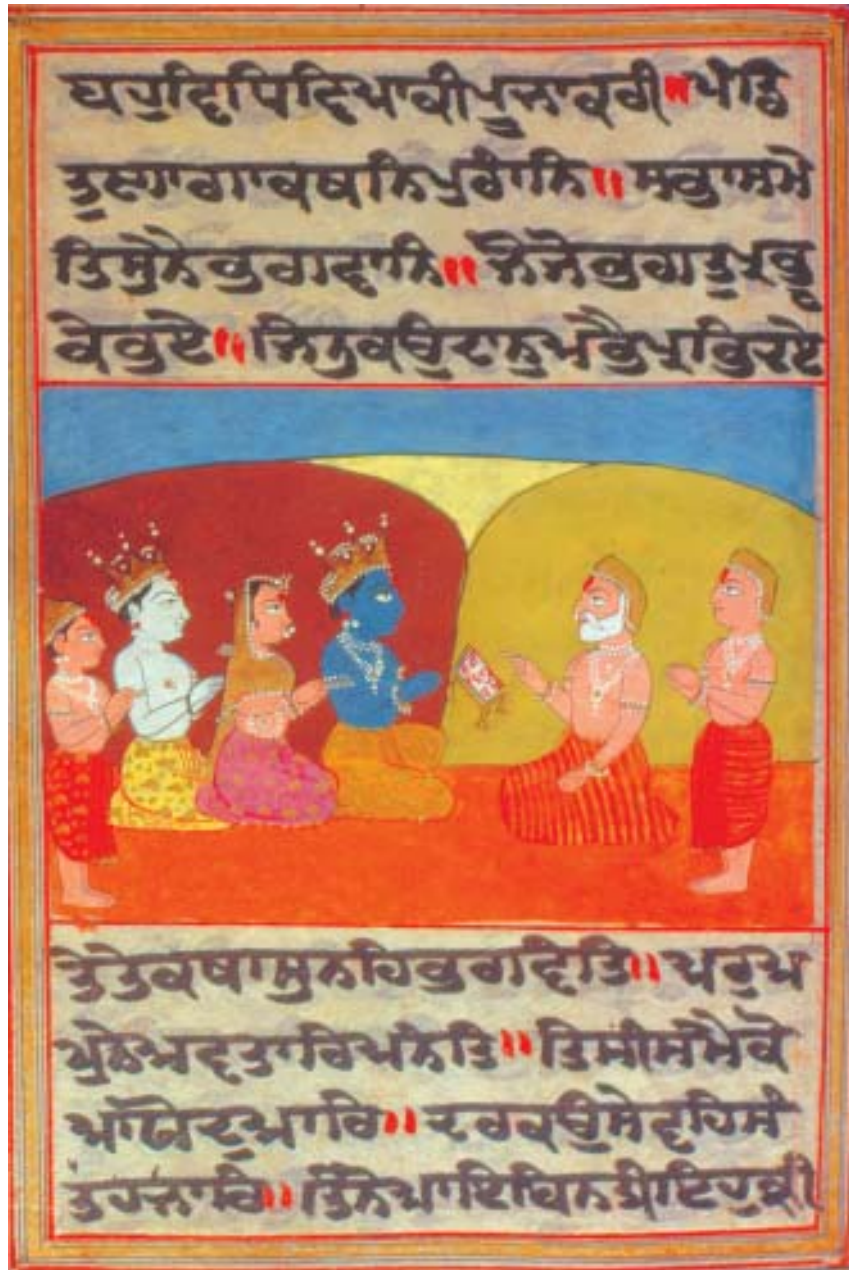
нания Матапрасада Гупты: «Нам бы только посмотреть джайпурскую рукопись, хотя бы одним глазком, ведь я же всю жизнь занимаюсь этим. Махараджа никому не показывает, хоть бы взглянуть на неё издали». И вдруг мне Шри Пад джи говорит: «Мы поедем, вы же хотели?.. Но рукопись священная, надо идти пешком, босиком. Когда-то, конечно, мы будем ехать, но это настоящее паломничество. На него уйдёт два месяца». У меня была стажировка на десять месяцев. Я спросила Шри Пада: «А как с посольством?» Он засмеялся и говорит: «Вы не беспокойтесь. С вами пойдут молодой преподаватель и один аспирант. Их вы знаете». И вот мы так передвигались. Я ноги в кровь истёрла совершенно. Я вообще в жизни босиком, даже по собственной даче, не ходила.

— *И сколько километров составил путь?*

Более тысячи. Стояло хорошее время года, октябрь. В Раджастхане очень жарко, ноги-то я сожгла на песках. Потом уже Шри Пад сказал, надо идти по воде. По воде в сари, всё очень мокрое, ноги в кровь, рубцы были. А главное, мы часто питались подножным кормом, где-то рвали горох. А то наоборот, попадали во дворец махараджи, где нас принимали по высшему разряду. Всё время был такой тренинг, то спишь на земле, где рыкают всякие звери и ползают гады, то живёшь во дворце махараджи. А там 26 комнат, у меня 40 слуг, и я не могу определить, кто из них что делает. Тебя одевают, как махарани, с золотым поясом, и с тобой носятся как с писаной торбой, а в другой раз ты спишь на земле, голодный, попить бы чего-нибудь, где-нибудь вымыться. Правда, вымыться всё-таки можно было в источниках, Свами понимал, что мне надо вымыться. Это было очень трудное

Учитель Шри Пад

Страница рукописи «Сурсагар»

путешествие. Два месяца вот так мы шли. И я с ним много таких путешествий совершила.

Меня привели к махарадже во дворец, где его жена, махарани, меня обласкала, там залечили мои раны на ногах розовым маслом. Шри Пад сам никогда не жил под кровом, он жил под деревом. Заходил иногда, но не ночевал. Он медитировал, практически вообще никогда не спал. У него во Вриндаване было ещё подземное убежище, пещера, где он тоже медитировал.

Я обратила внимание, что на Шри Пада все очень реагируют, кидаются в ноги, рыдают от восторга. Они его видят, счастливы, и поэтому меня тоже хорошо принимают. Я видела, как очень высокопоставленные лица ползают перед ним, и все его самого называют «махараджа». Оказалось, что он и есть натуральный махараджа. По происхождению кшатрий из высокого рода, это потом уже всё выяснилось. Когда мы были проездом у махарани Мадхья Прадеш, где потрясающий дворец и где у меня было уже 50 или 60 слуг, он сел под дерево и сказал: «Ладно, три дня живите, вам так нравится во дворцах жить. Вы живите там, а я вот тут, под деревом». Пришла ко мне ночью старая махарани и говорит: «Вы не можете задержать его, хотя бы на два дня, я на него посмотрю?» Я отвечаю: «Попробую». А все слуги вдруг стали называть Шри Пада «чхота махараджи» — маленький махараджа, наследник. Он задержался на два дня. Потом, когда мы уже уходили, она меня страшно благодарила, а я его и спросила: «Шри Паджи, мне кажется, что это была ваша мать или бабушка, кто-то очень близкий». Он так спокойно сказал: «Эта женщина считает себя моей матерью». Как хотите, так и понимайте. Но я знаю, так как всё время мы общались со знатными людьми, что у него были род-

ственные связи, он всё время находился с ними как бы на равных.

Когда мы попали к махарадже, у которого хранилась рукопись, тот засмеялся: «Всё ясно, Шри Пад у нас очень образованный, и махатме неймётся прочесть что-то научное, он же у нас полиглот и лингвист». Но я сказала, что сама очень хочу. Вижу, махараджа мнётся. Мол, как это, первый раз покажу, и иностранке. Шри Пад так рявкнул на него, что тот стушевался: «Хорошо, хорошо, пошли в библиотеку».

Мне показали рукопись Сурдаса. Сначала за моей спиной стоял индеец с ружьём, и мне переворачивал страницы Шри Пад, но скоро всё отрегулировалось. Я рукопись микрофильмировала и потом подарила Матапрасад Гупте, тот от радости просто прижимал её к сердцу. Наконец-то мы знаем, что там все 12 глав, а у нас была одна. Постепенно и другие махараджи разрешили тоже. Так они стали раскрывать свои феодальные архивы, что-то показывать.

— Когда вы увидели эту рукопись, прикоснулись к ней, какое впечатление у вас было?

Необыкновенное впечатление, что вы дотрагиваетесь как бы до самого Сурдаса.

— Чему была посвящена эта рукопись?

Рукопись посвящена исключительно Кришне. Она называется «Сурсагар», то есть океан поэзии Сурдаса. Там описывается детство и юность Кришны. Молодость человеческого рода. И там были прелестные старинные миниатюры. Потом мы со Шри Падом в своей Академии духовного сознания сделали собрание рукописей, даже термостат был. И туда помещали все рукописи, которые у нас появлялись. Собрали мы

много. Потому что после того, как и Харидатта узнал и снова опубликовал статью, стало много поступать предложений. Меня приглашали уже брахманы из храмов, Шри Пад куда-то ходил по храмам и тоже притаскивал: «Вот ещё, и ещё, в нашем полку прибыло».

Так мы подбирали, собирали. Но, к сожалению, самая ранняя рукопись у нас XVII века, а Сурдас жил в XV веке, в начале XVI. За ним записывали ученики, он же бард, он пел и вещал. Сам музыку писал, и сам на музыкальном инструменте играл, типичный бродячий бард.

— На каком музыкальном инструменте он играл?

На вине, на тампуре играл. Сурдас ещё при жизни был объявлен великим святым. Поэтому ученики писали его житие. Я потом собирала все эти жития. Перевела на русский язык, книга называется «Нет жизни без Кришны». Всего Сурдаса я не смогла перевести, не потому что мне не давали. Дело в том, что всё равно мы не смогли бы сделать аутентичный текст. Я напрасно связалась с Холли и Браянтом, канадцем. Мы пытались с помощью компьютера, но это невозможно, там столько рукописей! Надо было просто взять самую раннюю рукопись и издать её перевод. Но я пошла не по тому пути, упёрлась в создание аутентичного текста новейшими методами. Нет, не смогли. Наша наука ещё не дошла до этого.

— А джайпурская рукопись, которую вы вместе со Шри Падом увидели первой, её удалось перевести?

Она переведена на русский и немецкий языки. У нас она есть, но на русском не вся. К 500-летию Сурдаса я подготовила «Кришна-легенду», её издали в ГДР на трёх языках, на русском в том числе, два тома. Это было

знаменитое частное издательство «Теплинхоэр», единственное в ГДР, сохранилось ещё со времён Гёте. Они себя не скомпрометировали фашизмом, переехали в Швейцарию. Потом издатель побывал в Индии, услышал о Сурдасе и вышел на меня. Мы решили издать некоторые рукописи на немецком и на английском. Я думала, что часть тиража пойдёт сюда. Нет, всё пошло за границу. Они дали мне пять экземпляров.

— Почему бы не переиздать Сурдаса на русском языке, с гравюрами?

Они издали и переиздали на немецком языке. На русском, я упоминала, у меня вышла книга «Нет жизни без Кришны». Есть хрестоматия, какие-то куски. Всегда, когда я переводила, то всё, чего ещё не было, туда вставляла.

Мы со Шри Падом очень сблизились. Это и было начало встречи. Он говорил: «А вы понимаете, что такое бхакти?» И стал по-настоящему показывать второй план, третий, четвёртый. Меня очень привлекало в общении с ним (а у меня же было много знакомых известных людей, связанных с махатмами) то, что он понимал мои проблемы, как надо преподавать. Поэтому он создал Академию браджа, поэтому мы хотели сделать университет духовного сознания. Он не был традиционным махатмой. Ему всё время предлагали, даже президенты Индии, сделать ашрам. Однажды Шри Пад сказал: «Мы будем делать университет». И это мне было понятно. Он же до этого был бродячим свами. Ходил, бродил по Индии, как полагается садху, он не желал никакого ашрама, ему это было совершенно не нужно. То он в Гималаях, то на юге, обошёл несколько раз пешком всю Индию. Где-то появлялся, потом исчезал, никто не знал, где он. Но когда я приехала к махарадже, Шри Пад сказал мне, смеясь: «Ну всё, теперь вы довольны, у нас

Паломничество во Вриндаван. 1969.
На переднем плане Шри Пад и Наталья Сазанова

есть джайпурский дворец». Он меня очень уговаривал — давайте делать вашу библиотеку, решать все эти проблемы. Вот тогда нам махараджа преподнёс этот дворец.

— А где находился этот дворец?

Во Вриндаване. Дело в том, что махараджи джайпурские — богатейшие люди. Даже во времена Акбара главные предводители были из Раджастхана. Они держали эту линию с афганцами. И самые видные военные начальники и их жёны были из этого знатного раджастханского рода. Поэтому они находились на особом положении, везде имели колоссальные дворцы. Они были верующие, кришнаиты, у них был во Вриндаване дворец, и рядом, тут же, знаменитый храм Джайпур Мандир. То же са-

мое и в Бенаресе, везде. У них Индира Ганди отняла половину замков. А эти были в очень приличном состоянии, отреставрированы, индоевропейского типа. Парадный вход, внутри четырёхугольный двор, потрясающий сад.

— Как вы возвращались из Джайпура, тоже пешком?

Нет, обратно мы ехали, частично на поезде. Тогда со мной произошёл случай. Мы остановились в какой-то местности, я забыла, и мне очень понравился индийский базар, где чисто деревенские вещи. А мы ехали в машине генерал-губернатора. Впереди сидел Шри Пад, рядом вооруженный водитель, а сзади я и жена губернатора. Мы едем на машине, я смотрю — какое-то село, и говорю, что очень хочу посмотреть. Шри

Пад говорит: «Сплошная глупость, ничего хорошего из этого не выйдет». А я, очень довольная, вся счастливая, настаиваю: «Нет, я хочу!». И он исчезает — он всегда исчезал и появлялся, никто не знает, как. Он закрылся и стал невидимым. Вдруг в открытое окно просовывается какая-то чёрная рука и хватается мою сумочку, она лежала рядом. Со мной дурно, потому что там паспорт и все документы, чёрт с ним, с деньгами, там ерунда. Паспорт — в то время это была смертельная вещь. И со мной начинается истерика. Индийцы не понимают, в чём дело. Губернатор говорит: «Да я вам сейчас выпишу этот паспорт». Я говорю: «Вы не понимаете, вы мне, конечно, выпишете, но индийский, а мне нужен русский». Тут же оцепляется весь базар, везде в рупор объявляют: «Верните только красную книжицу». Никто не появляется, со мной дурно, я в обмороке валяюсь, и появляется Шри Пад. «Ну, добились своего? Понравилось, да? Хороший базар был?» А я от злости начинаю на него орать: «Как вы можете?!» Он не понимает, они все не понимают, в чём дело. Губернатор снова говорит: «Да я вам десять паспортов выпишу, сию минуту». Шри Пад говорит: «Хотите, президент вам паспорт выпишет?» — «Мне не нужен индийский паспорт, мне нужен советский». — «Я не понимаю, из-за какой-то бумажки паршивой с вами истерика, вы так прошли всю дорогу, всё получили...»

Они все не понимают, я не могу им объяснить. Шри Пад садится около меня: «Вы мне всё-таки объясните, кто — президент, премьер вам может помочь, что вы хотите?» — «Мне нужно в советском посольстве советский паспорт». Он долго думает и спрашивает: «Кто его может выдать?» — «Консул». — «Кто такой консул?» Ну откуда Шри Паду знать, кто такой консул! Я объясняю: «Есть такой человек, который выдаёт бумаги». —

«Ну, поедem в Дели, он вам выдаст». Я говорю: «Вы что, вы не понимаете? Как только я напишу заявление, что у меня нет паспорта, в 24 часа меня вышлют, и я больше никогда не приеду в Индию, всё! На мне будет чёрная метка». Шри Пад говорит: «Едем в Дели». Губернатор даёт мне справку, что у меня украли, есть свидетели. Поворачиваем и едем в Дели, вместо того чтобы ехать в Агру. Он спрашивает: «Где находится посольство?» — «Рядом с президентским дворцом. Только ради Бога, Шри Пад джи, не выходите в таком виде около посольства, я вас очень прошу!» Он начинает дико хохотать и говорит: «Ладно, я не буду выходить, если вам так хочется, я буду сидеть тихо в машине. А теперь вы должны мне сказать вот что. Вы сейчас входите в эти ворота?» — «Да, я вхожу в эти ворота». — «Где расположена консульская приёмная, вы можете мне сказать?» Я всё объяснила.

И тут начинаются чудеса. Меня пропускают в сари... Я вхожу в консульскую приёмную, консул выходит навстречу мне. Он еле знал меня вообще, он видел меня один раз! Он сказал: «Как хорошо, что вы приехали. А почему вы так расстроены?» Я говорю: «Вы знаете, у меня украли паспорт». — «Ерунда какая, я вам сейчас копию сделаю». И он мне делает за полчаса копию заграничного паспорта — в то время! — со всеми печатями. Мы прощаемся, как лучшие друзья. Мы потом с ним действительно подружились, и он говорил, что никогда такого не делал. Шри Пад спрашивает: «Ну что, эта бумажка при вас, покажите мне, какая она?» Это был настоящий советский заграничный паспорт. Единственное, что я помню, консул сказал: «Только дайте фотографию, у вас есть какая-нибудь фотография там приклеить?» И оказалось, что в моём деле в консульстве есть лишняя фотография. И когда через какое-то время я, смеясь, сказала наше-

му заведующему иностранным отделом, что, между прочим, у меня копия заграничного паспорта, он его долго изучал и сказал: «Ладно врать-то». Таким образом я осталась в Индии ещё на четыре месяца, на свои законные.

— *Вы из Дели вернулись в Агру?*

Нет, сначала мы поехали во Вриндаван, потом уже в Агру.

— *И вы попрощались там со Шри Падом?*

Нет, мы не прощались со Шри Падом, он исчез, как всегда. А потом снова появился, у него такая привычка была. Никогда не прощался, вообще исчезал и потом появлялся так же неожиданно. У него была отвратительная привычка, и я дико не любила это. У меня даже фотография есть одна — есть он, а потом нет, зафиксировали даже. Я спрашиваю: «Куда он делся?» — «А он всегда так! Вы же знаете, он всегда так невидимым становится, надоели ему все окружающие». Эта его привычка ужасно меня раздражала, я вам честно скажу, потому что сидишь, работаешь, вдруг он неожиданно появляется и говорит: «Мы сейчас собираемся и едем в Бенарес». В моих планах — никакого Бенареса, у меня другая программа вообще.

— *Вы говорите «исчезал и появлялся». Это как?*

Я как-то не задумывалась. Просто появлялся. Он больше появлялся на открытом воздухе, но так же и исчезал. Однажды мы отправились в Бенарес. Идём пешком среди леса, а он исчез, и мы не знаем, куда идти. Наша группа в пять человек, интеллигентные люди, преподаватели, три дня сидим и ждём. Он не докладывал, остаётся только сидеть, разжигать костёр. Кто-то сказал — подождите, он, наверное, проявится.

И в самый неожиданный момент Шри Пад проявился и говорит: «Чего вы ждали здесь, пошли дальше».

— *Это вы во время первого путешествия ездили в Бенарес?*

Да, в первую поездку это было главное, Джайпур и потом Бенарес. Через какое-то время начались каникулы, и тогда мне снова захотелось в этот священный город Каши (так в древности назывался Бенарес), даже университет хлопотал, чтобы я ехала. Они очень считались со мной, университетское начальство смотрело мне в рот: «А Шри Пад поедет?» — «Я сама хочу в Каши, посмотреть дом Бхаратенду. Я же писала диссертацию, мне это очень интересно». — «Хорошо, хорошо, планируйте сами».

— *Второе паломничество в Бенарес тоже было вместе со Шри Падом?*

В Бенарес я поехала сама, по местам Бхаратенду Харишчандры, основоположника хинди. У него там дом был когда-то. Его потомки стали профессорами университета. Это было в зимние рождественские каникулы, конец декабря — начало января 1969 года. Я поехала тогда в Каши. Меня прекрасно встретили, открыли мне сундуки с такими материалами, о которых я не знала, они мне оченьгодились для лекций. И я решила, что Шри Пад оставил меня в покое и я могу сама по себе, с друзьями-учёными провести время. Пошла в «Нагари Прачагья Сабха», лучшее классическое издательство, нагрузилась книжками — Ведами, Упанишадами. Потом взяла рикшу. Еду себе на рикше, и вдруг возникает Шри Пад: «Что, вы решили без меня? Вы не те книжки взяли! Вам же не то надо!» — «Как? Я взяла те!» — сказала я бодро. У нас были очень странные отношения, мы ругались с ним всё время. «А откуда вы знаете, что мне

надо и что не надо? Мне для студентов надо!» — «Зачем вам Веды, вы не сумеете всё равно. Давайте лучше Пураны». Веды переведены на все языки, а Пураны вообще не были переведены, он всё время стонал по этим Пуранам. Заставил меня вернуться в издательство, они от восторга скостили полцены, и мы переменили книги. «А теперь пора вам ехать к Ананда Мои Ма. Вы тут на лодочке, я знаю, катались». До этого я действительно покаталась, посмотрела все гхаты, мне показывали всё, а Ананда Мои Ма у меня в плане не было. Но Шри Пад сказал: «Вообще мы сейчас едем к Ананда Мои Ма, она же здесь. Вы ради чего приехали?» — «Как чего, книжки, я смотрю священный город, в храм

Шивы мне надо бы». Он говорит: «В храм Шивы женщин не пускают, вам надо к Ананда Мои Ма». Оказывается, он остановился у неё, то есть его рваное одеяло было рядом с её домом.

И тогда впервые я увидела Ананда Мои Ма. Он привёз меня. У неё свой ашрам, и туда трудно было войти. Всех туда не пускали. Там такие толпы были. Но нам открыли, а потом я с ней посидела. Была аудиенция, конечно, благодаря Шри Паду.

— И как ваша встреча, вы её увидели? Какой был разговор?

Мы говорили о Кришне, о самом главном. Но об этом в следующий раз...

*Москва,
17 ноября 2005*